

Mateusz Jaworski

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu

Polska

<https://orcid.org/0000-0002-4400-5546>

ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО В ПРОЗЕ ВЛАДИМИРА СОРОКИНА И СЕРГЕЯ ЛЕБЕДЕВА ТВОРЧЕСКИЕ ПУТИ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ К ПОНИМАНИЮ НАСТОЯЩЕГО

This research was funded in whole or in part by Narodowe Centrum Nauki Reg. nr 2022/47/B/HS2/01244. For the purpose of Open Access, the author has applied a CC-BY public copyright license to any Author Accepted Manuscript (AAM) version arising from this submission.

THE IMAGES OF THE PAST AND THE FUTURE IN THE PROSE
OF VLADIMIR SOROKIN AND SERGEI LEBEDEV
CREATIVE PATHS OF RUSSIAN ÉMIGRÉS TO UNDERSTANDING
THE PRESENT

The present paper aims at analyzing the images of the past and the future in the prose of two contemporary Russian émigré writers — Vladimir Sorokin and Sergei Lebedev. The author has selected two relevant texts from their works which produce certain similarity in understanding the interrelations between the past and the present. Sorokin's dystopia depicts the New Russia yet to come, but strangely resembling its deep past. On the other hand, Lebedev uses a literary motif of a nonlinear perception and flow of time, which shows an ambiguous relationship between the present and the past.

Keywords: Vladimir Sorokin, Sergei Lebedev, the past in literature, prophetic literature

Mateusz Jaworski *Образы прошлого и будущего в прозе...*

OBRAZY PRZESZŁOŚCI I PRZYSZŁOŚCI W PROZIE
WŁADIMIRA SOROKINA I SIERGIEJA LEBIEDIEWA
TWÓRCZE DROGI ROSYJSKICH EMIGRANTÓW
DO ZROZUMIENIA TERAŻNIEJSZOŚCI

Celem podjętym w niniejszym opracowaniu jest analiza obrazów przeszłości i przyszłości w prozie dwóch współczesnych rosyjskich pisarzy emigracyjnych — Władimira Sorokina i Siergieja Lebediewa. Autor wybrał dwa odpowiednie teksty z ich twórczości, które wykazują pewne podobieństwo w rozumieniu relacji między przeszłością a terażniejszością. Dystopia Sorokina przedstawia Nową Rosję, która ma dopiero nadejść, ale dziwnie przypomina jej głęboką przeszłość. Z kolei Lebediew stosuje literacki motyw nieliniowego postrzegania i przepływu czasu, co ukazuje niejednoznaczny związek między terażniejszością a przeszłością. Słowa kluczowe: Władimir Sorokin, Siergiej Lebediew, przeszłość w literaturze, literatura profetyczna

Любое художественное произведение стремится уловить закономерности возникновения, протекания и воздействия потока событий, окунающего человека в отведенный ему временной отрывок. Здесь подразумевается не только личное время индивида, но прежде всего историческое время. Наше познание, однако, ограничивается как физическим измерением, наблюдаемым с помощью пяти чувств, так и линейным восприятием времени. При полном одобрении интуитивного понимания вселенского хроноса — от прошлого к детерминистскому будущему — познание действительности в ее актуальном состоянии преимущественно опирается на причинно-следственные отношения. С этой точки зрения события любого масштаба оставляют свой отпечаток на будущем состоянии Вселенной, что обычно определяется с помощью термина «детерминизм». Любопытно, что художественная литература с давних времен пародировала и травестировала такой подход к восприятию времени [стоит здесь упомянуть текст Лоренса Стерна под названием *Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена* (1759)] или ставила линейность художественного времени под вопрос, что оказалось отличительной чертой модернистской (и постмодернистской) прозы. Здесь примером могут послужить знаменитый *Космос* (1965) Витольда Гомбровича, где следствие имманентно

лишено причины, или более свежие тексты Евгения Водолазкина *Лавр* (2012) и Эрве Ле Теллье *Аномалия* (2020). Критический подход к традиционному пониманию времени¹ (и параллельно — к истории) заметен и в произведениях многих постсоветских писателей-эмигрантов. В центре настоящей статьи тексты двух представителей этой многочисленной группы — Сергея Лебедева и Владимира Сорокина. Обоих писателей роднит не только московское происхождение, актуальное место жительства (Германия), но также и взгляды на современное состояние России и российского общества, выражаемые как в художественных текстах, так и в рамках многочисленных публичных выступлений.

С точки зрения выбранного аспекта заслуживает внимания публичная беседа Владимира Сорокина с Марком Липовецким в Колумбийском университете в октябре 2022 года. Во время разговора с известным критиком Сорокин так высказался о проблеме восприятия времени:

современный мир и в том числе Россию невозможно сейчас описать линейной прозой. Я стараюсь выбирать разные ракурсы, в том числе из прошлого и будущего, чтобы построить новую оптику для разглядывания объекта — и соответственно получаются разные книги, но их объединяет одно — попытка разглядеть наш дробящийся и распадающийся мир².

Любопытно, что Сорокин при изображении прошлого и будущего нуждается в «новой оптике разглядывания объекта». Итак, оказывается, следуя за ходом его мысли, для понимания настоящего, т.е. актуального состояния реальности, писатель может, или даже — должен, выйти далеко за его пределы — в прошлое и будущее (даже если они оба существуют

¹ Здесь стоит отметить, что в контексте прозы Сергея Лебедева не менее важной категорией оказывается пространство. См. M. Kowalska, *Powieść generacyjna jako konfrontacja z „pierwszą pamięcią” („Granica zapomnienia” Siergieja Lebediewa) // «Kultura Słowian. Rocznik Komisji Kultury Słowian PAU» 2022, № 18, с. 308–309.*

² Владимир Сорокин: «Во время войн литература держит паузу», <https://www.golosameriki.com/a/sorokin-columbia-university-/6777244.html> (18.06.2024).

лишь как феномен языка или, добавим, как объект творческой обработки художественного образа).

Многослойным примером применения вышеуказанного приема является повесть Сорокина *День опричника* (2006), в которой создается картина России, где прошлое и будущее перверсивно переплетаются³. Для данного эффекта писатель использует достаточно отдаленные исторические темы опричнины и феодализма. Сам рассказчик принадлежит к привилегированной группе бандитов, находящейся «под крышей» государства и отождествляющейся с наследием легендарного главаря опричнины при царе Иване Грозном — Малюты⁴. На первых же страницах повести читатель узнает о возвращении в России абсолютной монархии и очередного классового расщепления населения. Эта картина оживает пафосным, стилизованным под архаику языком. Прошлое становится инструментом для описания потенциального будущего как России, так и остального мира, ведь в анализируемом тексте заметен резкий геополитический разрыв между культурами Востока и Запада:

И да рассеются врази Бога и Государя нашего.

«Победы на супротивных даруй...»

Супротивных много, это верно. Как только восстала Россия из пепла Серого, как только осознала себя, как только шестнадцать лет назад заложил Государев батюшка Николай Платонович первый камень в фундамент Западной стены, как только стали мы отгораживаться от чуждого извне, от бесовского изнутри — так и полезли супротивные из всех щелей, аки сколопендрии зловредные. Истинно — великая идея порождает и великое сопротивление ей. Всегда были враги у государства нашего, внеш-

³ Похожий способ организации времени наблюдается в *Голом годе* (1922) Бориса Пильняка, где стихия революционных изменений переносит Россию одновременно в совершенно новую реальность и в «отсталое» время до Петра I, когда еще сильны суеверие и ритуализированная традиция.

⁴ Стоит упомянуть, что писатель иронически посвящает книгу именно Малюте. Этот жест символически подкрепляет повествовательную точку зрения в *Дне опричника*, в центре которого стоит представитель репрессивных структур власти, а не его жертва (вопреки, скажем, традиции лагерной прозы).

ние и внутренние, но никогда так яростно не обострялась борьба с ними, как в период Возрождения Святой Руси⁵.

Язык опричников не выходит, однако, за рамки поверхностной стилизации и декорации, позволяющих мимикрировать тесную связь новой власти с традиционной системой ценностей, и ее привязанность к консервативному мировоззрению. Подчиненные главаря опричников Бати, используя архаизированную лексику и синтаксис, лишь скрывают свой прагматичный образ действий. Опричникам ведь не чужды новейшие достижения технологии и наркобизнеса, которые никак не вписываются в картину Новой Руси⁶.

Принимая во внимание размышления о связи разных времен и нелинейности их восприятия, зададимся вопросом: о чем пишет Сорокин в данном произведении? О России XVI века с ее жестокостью и бесчеловечностью, о времени написания книги (2006 год), или о потенциальном будущем (2014 и 2022 годы)? К тому же само название текста отсылает к повести Александра Солженицына *Один день Ивана Денисовича*, что делает возможным еще один вариант ответа, так как в данном ракурсе на первом плане оказывается переход от повествования как свидетельства жертвы к точке зрения представителя силовых органов тоталитарной власти. Такой сдвиг, с одной стороны, можно интерпретировать как своеобразную ироническую оптику, с помощью которой читатель наблюдает изувеченную картину реальности. С другой стороны, писатель предпринимает попытку проникновения в психику агрессора, участвующего в системном насилии.

К тому же рассказ Комяги, безусловно, пронизан официальной историософией, так как многие фрагменты непосред-

⁵ В. Сорокин, *День опричника*, Издательство АСТ, Москва 2017, с. 41–42.

⁶ Примером здесь может послужить машина Комяги, которую тот определяет многозначным словом «мерин», относящимся как к мужской лошади, так и к автомобилю известной немецкой марки. Ср. «У ворот стоит мой „мерин” — алый, как моя рубаха, приземистый, чистый. Блестит на солнце кабиною прозрачной. А возле него конюх Тимоха с песьей головой в руке ждет, кланяется». В. Сорокин, *День опричника...*, с. 15.

ственно сообщают читателю «единственную» и «правильную» интерпретацию хода истории России с выделенными периодами «смут»:

Сворачиваю на Первый Успенский тракт. Здесь лес еще повыше нашего: старые, вековые ели. Много они повидали на своем веку. Помнят они, помнят Смуту Красную, помнят Смуту Белую, помнят Смуту Серую, помнят и Возрождение Руси. Помнят и Преображение. Мы в прах распадемся, в миры иные отлетим, а славные ели подмосковные будут стоять да ветвями величавыми покачивать...⁷

Выбранная Сорокиным точка наблюдения — *ретроспективное будущее* — размывает четкую границу между прошлым, настоящим и будущим. Мировоззрение Комяги⁸ одновременно вписывается в насильственную систему управления страной, ведущую свою историю из XVI века, в националистическое выборочное несогласие на «нерусскость» общественных, культурных и технологических направлений развития, но также в некритическое одобрение положений и действий верховной власти, даже если они явно противоречат здравому смыслу и интересу народа.

В свою очередь, Лебедев в предисловии к сборнику рассказов *Титан* (2022) отмечает сильную связь между историческим и мистическим пониманием прошлого–настоящего. Здесь стоит привести две цитаты:

Я помню последние годы советской империи. Помню, хотя и был ребенком, стихийное и повсеместное, внезапное, как извержение вулкана, явление мистических настроений⁹.

Сознание людей искало образов, искало языка для описания трагедии — и прибегало к мистическим аллюзиям, которые

⁷ Там же, с. 20.

⁸ Следует отметить семантику этого имени для авторской оценки общественных перемен в мире повести. Слово «комяга» ведь отсылает к примитивному миру домашних животных, в том и к полисемии слова «скотина».

⁹ С. Лебедев, *Титан. Рассказы*, Издательство АСТ, Москва 2023, с. 7.

делают зловещее прошлое реальным — и одновременно отчуждают его, делают объектом иного мира, иной реальности.

Что ж, призраки действительно не рождаются сами по себе. Их порождает молчащая совесть. Двоение моральной оптики. Они реальны настолько, насколько реальны вытесненные знания о преступлениях и отказ от принятия настоящей ответственности. Они — искаженный, претворенный в мистических образах голос ушедших. Голос непростых свидетелей¹⁰.

Данные высказывания указывают на модус восприятия прошлого, основанный на магическом мышлении, о котором писал Александр Эткинд¹¹. Оба отрывка можем также интерпретировать как своеобразный манифест кардинального переосмысления прошлого ради настоящего и будущего путем очищения, переработки, выражаясь словами Лебедева, «темного чулана» вытесненного печального прошлого¹². К тому же элемент мистического в описании прошлого–настоящего можно трактовать как отчаянную реакцию человека на столкновение с необъяснимым, нелогичным и иррациональным злом¹³.

Хорошим воплощением и творческой реализацией этой идеи оказывается рассказ Лебедева *Й*, в котором читатель знакомится с историей некоего Иванова — эмигранта и сотрудника спецслужб, направляющегося по совету врача «на воды»¹⁴. Попутчица Иванова в поезде готовит или редактирует текст на своем компьютере, а стук клавишей компьютера напоминает ему его детство, в котором центральную роль играла идеализированная бабушка — филолог, заслуженный профессор,

¹⁰ Там же, с. 9.

¹¹ A. Etkind, *Magical Historicism* // E. Dobrenko, M. Lipovetsky (ред.), *Russian Literature since 1991*, Cambridge University Press, Cambridge 2015, с. 104–119.

¹² См. также I. Lunde, *The Incarnation of the Past: Sergei Lebedev's Poetics of Memory* // «Slavica Bergensia» 2020, № 13, с. 177–178.

¹³ Ср. Х. Арендт, *Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме*, перев. С. Касмальский и Н. Рудницкая, Европа, Москва 2008.

¹⁴ См. С. Лебедев, *Й* // его же, *Титан. Рассказы*, Издательство АСТ, Москва 2023, с. 135.

постоянно работавшая на своей прекрасной алой машинке¹⁵. Сам Иванов отличается даром точного имитирования чужого голоса и почерка, когда имитация неотличима от оригинала:

Дар к имитации.
Он был больше чем просто пародист.
Он не повторял, а заимствовал, крал.
Крал чужую речь¹⁶.

С точки зрения наших размышлений, следует обратить внимание как минимум на два элемента рассказа: на способ вести повествование и на мотив буквы «й», значение которой по-разному объясняется в нескольких местах. Итак, с самого начала повествователь постепенно раскрывает тайну Иванова и его бабушки перед читателем с помощью резких переходов от настоящего времени (путешествие на поезде, проживание в Баден-Бадене) к воспоминаниям (ранее детство, школьные и университетские годы)¹⁷. В один момент повествователь замечает, что «В этот миг для него совмещаются настоящее и прошлое»¹⁸. Следовательно, наблюдения за настоящим оказываются лишь предлогом для воспоминаний, или наоборот: воспоминания актуализируют знание читателя и позволяют понять мотивировку действий персонажей¹⁹. К тому же частые сбои повествования и ретроспективные мини-сюжеты складываются в оригинальную картину времени: настоящее

¹⁵ См. «бабушкина машинка, красная, как кровь, как кремлевские звезды, как флаг страны». Там же, с. 139. Приведенный выше фрагмент указывает на неочевидную семантику метафоры пишущей машинки, отсылающей не только к художественной словесности и к филологии как королеве гуманитарных наук, но также к мрачному извращению профессии, суть которой состоит в поисках значения букв, звуков, слов и предложений. Профессор здесь оказывается не профессиональным интерпретатором, а умелым и беспощадным фундаментом ежедневной работы спецслужб.

¹⁶ Там же, с. 127.

¹⁷ Там же, с. 137, 141, 148.

¹⁸ Там же, с. 148.

¹⁹ Ср. М. Мілчарек, *Krew rosyjskiej geografii. „Granica zapomnienia”* Siergieja Lebiediewa // «Przegląd Ruscystyczny» 2023, № 4 (184), с. 100.

как будто «призывает» прошлое и заставляет его случиться заново, но уже в человеческом воображении. Работа памяти напоминает при этом процесс чтения (или восприятия культуры вообще) с его ключевым элементом: постоянным обновлением реальности, позволяющим событиям возникать именно в момент общения с текстом.

Еще ребенком Иванов был очарован машинкой и самой процедурой вывода буквы на бумагу. С самого начала главную роль для него играет буква «й» — сперва из-за расположения клавиши, потом как звук, чтобы во взрослой жизни приобрести статус существа, охраняющего Иванова от нерусского мира:

Но Иванов их не боится. Его охраняет Й, что приехал с ним с родины. Й — самая русская буква, самый русский звук, что-то сдавленное в горле, не родившийся, сгинувший, проглоченный стон; Й. Й научился черпать силу от фигуры собора, освоился, заматерел и ходит, ходит за Ивановым по городу. Фатум языка. Некто в шляпе. Й. Он. Мужского рода²⁰.

В начале истории данная буква является объектом фантазии молодого Иванова, чтобы потом стать рациональным объяснением его сомнительного в нравственном плане сотрудничества со спецслужбами. Ведь «й» официально стала буквой русского алфавита в 1934 году, что неотлучно связывает ее с террором конца 30-х:

Да и кем ты стал, Й? Ты ведь теперь обрезанное, как и сама память, эхо века, эхо всех криков боли и ужаса, всех предсмертных воплей и рыданий. То, что осталось от чекистских и следовательских Эй, от арестантских Ай и Ой, осознало себя и бродит неприкаянное²¹.

В конце рассказа Иванов узнает, что его бабушка тоже сотрудничала с теми же службами, что оказывается оправданием его деятельности, связанной с глубоко скрываемым чувством вины:

²⁰ С. Лебедев, *Й...*, с. 143.

²¹ Там же, с. 147–148.

Она работает на *них*. И он тоже работает на *них*.
Она была первой, и это как бы извиняло его²².

В этом смысле жизненные выборы главного персонажа оправдываются «задним числом», ретроспективно, так как сотрудничество его бабушки и ее подлинная работа оставались тогда для него неизвестными. Читатель наблюдает здесь защитный психологический механизм, опирающийся на абсолютно ложное представление о прошлом, которое дает санкцию на принятие настоящей реальности.

Интересно, что в рассказе мы узнаем, что именно буква «й» была причиной как спасения бабушки Иванова, так и ее морального упадка. Дело в том, что в протоколах ее дела один из следователей допустил опечатку в слове «советский», вместо «й» поставил «и», что изменило ее судьбу и погубило самого палача²³. Данный мотив, как можем предполагать, указывает на силу мистического элемента при объяснении нежелательных, невыгодных фактов из прошлого, а также на естественный механизм манипулирования восприятием уже случившегося прошлого и протекающего на наших глазах настоящего. Следовательно, появление мистического элемента (обретение тела и человеческого облика буквой «й») может считаться умственной работой по вытеснению морали, так как виновность при таком порядке вещей переносится на воображаемый объект, оправдывая самого субъекта.

В анализе механизмов осмысления настоящего при помощи созидания образов прошлого и будущего в художественной прозе Владимира Сорокина и Сергея Лебедева мы старались указать на два интересных с точки зрения актуальной геополитической ситуации аспекта: на использование прошлого–

²² Там же, с. 153.

²³ Там же, с. 143. Стоит отметить, вслед за Катажиной Дудой, значение слова в поэтике прозы Лебедева, которое понимается как своеобразный способ сохранить прошлое от исчезновения. См. K. Duda, *Zapomnienie a pamięć zmanipulowana* („Granica zapomnienia” Siergieja Lebediewa) // «Kultura Słowian. Rocznik Komisji Kultury Słowian PAU» 2022, № 18, с. 206, 209–210.

будущего для понимания трендов мировой истории и раскрытие мистического начала в переработке прошлого. Оба писателя в своих текстах используют категорию времени, не соблюдая традиционной линейной хронологии. Это не только значительно расширяет семантический потенциал самих произведений, но также обогащает познавательный аппарат внимательного читателя, так как сложная архитектура повествования отлично отражает ускользающую от познания природу бытия.

REFERENCES

- Arendt, Hannah. *Banal'nost' zla. Eykhtan v Iyerusalime*. Transl. Kasmal'skiy, Sergey, Rudnitskaya, Nataliya. Moskva: Yevropa, 2008 [Арендт, Ханна. *Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме*. Перев. Касмальский, Сергей, Рудницкая, Наталия. Москва: Европа, 2008].
- Duda, Katarzyna. "Zapomnienie a pamięć zmanipulowana ('Granica zapomnienia' Siergieja Lebediewa)." *Kultura Słowian. Rocznik Komisji Kultury Słowian PAU*, no. 18, 2022: 203–216.
- Etkind, Alexander. "Magical Historicism." *Russian Literature since 1991*. Ed. Dobrenko, Evgeny, Lipovetsky, Mark. 104–119. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.
- Kowalska, Martyna. "Powieść generacyjna jako konfrontacja z 'pierwszą pamięcią' ('Granica zapomnienia' Siergieja Lebediewa)." *Kultura Słowian. Rocznik Komisji Kultury Słowian PAU*, no. 18, 2022: 303–315.
- Lebedev, Sergey. *Titan. Rassказы*. Moskva: Izdatel'stvo AST, 2023 [Лебедев, Сергей. *Титан. Рассказы*. Москва: Издательство АСТ, 2023].
- Lunde, Ingunn. "The Incarnation of the Past: Sergei Lebedev's Poetics of Memory." *Slavica Bergensia*, no. 13, 2020: 177–199.
- Milczarek, Michał. "Krew rosyjskiej geografii. 'Granica zapomnienia' Siergieja Lebediewa." *Przegląd Rusycystyczny*, no. 4 (184), 2023: 99–113.
- Sorokin, Vladimir. *Den' oprichnika*. Moskva: Izdatel'stvo AST, 2017 [Сорокин, Владимир. *День опричника*. Москва: Издательство АСТ, 2017].
- "Vladimir Sorokin: 'Vo vremya voyn literatura derzhit pauzu.'" <https://www.golosameriki.com/a/sorokin-columbia-university-/6777244.html>. Accessed 18 Jun. 2024 ["Владимир Сорокин: 'Во время войн литература держит паузу.'" <https://www.golosameriki.com/a/sorokin-columbia-university-/6777244.html>. Дата обращения: 18.06.2024].